

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПУШКИНСКОГО ДОМА В 1961 г.

В июне 1961 г. на средней Мезени (Архангельская обл., Лешуконский р-н) работала по сбору народного творчества экспедиционная группа Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. В состав ее входили два словесника: В. В. Митрофанова и С. Н. Азбелев и музыковед В. В. Коргузалов. Работа проводилась в деревнях по берегам р. Мезени от д. Родома до с. Лешуконского. Выбор района был обусловлен планом исследований сектора народного творчества Института. В 1928 г. сотрудниками сектора А. М. Астаховой и Н. П. Коллаковой производились записи былин и песен в части деревень средней Мезени от д. Вожгоры до с. Лешуконского. В 1958 г. обследования проводились в деревнях нижней Мезени; были обследованы и некоторые русские деревни на р. Вашке¹. Экспедиция 1961 г. завершала, таким образом, обследование русских деревень на р. Мезени. Одной из задач экспедиции было изучение состояния былинной традиции через тридцать лет после записей А. М. Астаховой. Этим обстоятельством было обусловлено довольно быстрое продвижение экспедиции и то, что за 24 дня было обследовано 19 деревень. Другой задачей экспедиции было изучение бытования старинных русских песен на средней Мезени в сопоставлении с материалами, записанными в 1928 г. Кроме того, участники экспедиции записывали сказки, детский фольклор и другие жанры, главным образом с точки зрения выяснения состояния народно-поэтического творчества в обследуемом районе, производили этнографические наблюдения, обследование клубной работы, выясняли репертуар молодежи.

Население всех деревень на средней Мезени составляют русские. По местным преданиям, они переселились сюда из Новгородчины при Иване Грозном. Часть переселенцев прибыла, очевидно, в XVII в. после церковной реформы Никона, так как иногда старожилы говорят, что их предки переселились в эти места из-за преследований за «старую веру».

Одеваются местные жители, как правило, по-современному, только пожилые женщины носят платье старинного покроя, но из покупной ткани. Все женщины, даже маленькие девочки, непременно носят на голове платки. Замужние, особенно пожилые, под платок надевают повойник. Многие женщины и мужчины подпоясывают одежду шерстяными разноцветными кушаками, плетеными и ткаными, которые изготавливаются здесь и теперь. Весьма распространены толстые шерстяные носки до колен с цветным узором; пожилые женщины носят их и летом. Почти в каждом доме у пожилых женщин в сундуках хранятся старинные сарафаны с оборками и кружевами (обычно черными), сшитые из тканей различного цвета; есть и нарядные повойники с расшитым или парчевым верхом. Прежде все женщины носили в праздник «кустышки» — большие яркие оранжевые платки, повязанные вокруг головы так, что концы платка стояли над лбом наподобие рожек. При этом у замужних женщин оставался открытым верх повойника, а у незамужних — волосы на средней части головы. Невеста после того как была просватана и до венчания прежде носила «повязку» — высокий головной убор цилиндрической формы из парчи, шитый жемчугом. Все это ушло в прошлое.

Из зимней старинной одежды и сейчас носят «малицы» и «совики». Покрой их одинаков: глухой колоколообразный балахон с капюшоном и рукавицами (которые составляют одно целое с рукавом), надеваемый через голову. Малицу шьют обычно из овчины, мехом внутрь, а совик — из оленьих шкур, мехом наружу. Совик надевают поверх малицы.

Дома на средней Мезени строят бревенчатые, как правило двухэтажные, с двускатной кровлей. Нижний этаж — зимний, верхний — летний. Обычно дом состоит из двух половин, представляющих собой два отдельных сруба (каждый из них — двухэтажный). Это позволяет обновлять дом, не высялаясь: пока поправляют или заменяют один сруб, живут в другом. Часто такой дом занимают две родственные семьи. Каждая жилая часть дома обычно состоит из двух (реже трех) комнат. Русская печь помещается в первой комнате. За печью почти всегда есть небольшой закут — «шблнуш», где хранят кухонный инвентарь и посуду. Прежде в домах устраивали полати, теперь их почти не встречается. Мебель большей частью фабричная, но есть и местного изготовления столы, шкафы, деревянные диваны, иногда с резьбой. Деревянные лавки вдоль стен имеются в каждом доме. Хозяйственные помещения пристраивают к жилым: это — третья часть дома, примыкающая к задней стене двух жилых срубов. В нижнем этаже этой части обычно помещается хлев, а наверху «поветь», куда снаружи ведет «звоз» — широкий наклонный настил из тонких бревен, по которому лошадь может подняться прямо на поветь. На повети хранят сено, хозяйственный инвентарь, держат собак. Летом на повети нередко спят, для чего устраивают «препёны» — нечто вроде палаток из простынной ткани для защиты от комаров. Почти непременное украшение каждого дома — резной охлупень с конской головой над фронтоном. Форма головы примерно од-

¹ Сведения об экспедиции 1958 г. см.: В. В. Митрофанова, Мезенская экспедиция 1958 года, «Русский фольклор. Материалы и исследования», IV, М.—Л., 1959, стр. 422—423.

ного типа для каждой деревни, но в разных деревнях — различная. Вместо резной головы коня над фронтоном иногда бывают укреплены рога оленей. Досчатая кровля упирается в желоба двух горизонтальных бревен; сами же эти бревна поддерживаются «курицами» — концами стропил, вырезанными в виде крюков, которым тоже придают форму конской головы. Фронтоны имеют иногда роспись.

Утварь и посуда теперь почти целиком фабричная. Прежде повсеместно изготовляли в большом количестве туеса из бересты, самых разных размеров, украшенные наколотым или выжженным узором, их много встречается и теперь. Выделявали также деревянную хозяйственную посуду из «свала» (нароста на березе), теперь она почти вышла из употребления. Сохранились резные с росписью прялки местного изготовления, на которых теперь прядут только шерсть для вязки.

Во всем жизненном укладе населения средней Мезени произошли существенные перемены. Изменились одежда и утварь, исчезли многие ремесла и промыслы, жилище же во многом осталось прежним. Так же неравномерны и изменения, происшедшие в фольклоре средней Мезени. Одни жанры исчезают или исчезли совсем, другие — широко бытуют.

Выяснилось, что былины на средней Мезени почти совершенно исчезли. Правда, многие жители еще помнят, что старики пели «старины» об Илье Муромце, о Добрыне, О Дюке; помнят и имена сказителей. Об этом здесь вспоминают чаще, чем на нижней Мезени. Про Илью рассказывали сказки, были книги и картинки. Былины выучивали во время промысла морского зверя на берегу Белого моря. Слушать «старины» в деревне всегда приходило много людей. Однако теперь их уже никто не поет, жители не могли назвать никого, кто исполняет для слушателей былины. В этом отношении картины аналогична положению на нижней Мезени. В поисках былин приходилось обходить всех стариков деревни. Если кого-нибудь не было дома, то выяснить от окружающих, знает ли он былины, было практически невозможно. Иногда про старика говорили, что он знает «старины», а оказывалось, что или он знал, но давно забыл их, или и не знал никогда былин, а рассказывал сказки. Это происходит потому, что былины уже не поют и не пересказывают даже те, кто еще помнит их.

Всего экспедицией записано 16 текстов былин, из которых 4 — небольшие отрывки о пире у князя Владимира. Как и на нижней Мезени, это наиболее запоминающееся место былин. Большинство записей было сделано с речитатива или прозаического пересказа и только пять — с пения. Былину про Василия-Пьяницу спел в деревне Чучепола 77-летний Н. М. Ананьев. В былине подробно рассказано о пире у князя Владимира, причем это описание напоминает начало былины о женитьбе Владимира в распространенном на Мезени варианте. Кроме того, в былине подробно рассказано об угощении Василия вином, а в заключение очень кратко говорится, что Василий побил татар и вернулся в Киев. Кроме этой былины, разными лицами были спеты три отрывка и стих про Онику-воина (П. П. Сауковым, 57 лет, из села Койнас). Стих этот, близкий былинам, был очень распространен на средней Мезени.

Речитативом передала текст о молодце и разбойниках, деливших казну монастырскую, А. П. Михеева, 82 лет, из с. Койнас. Она сообщила предварительно, что расскажет про Илью Муромца, но в тексте его имя оказалось не упомянутым². Также речитативом исполнил Е. Т. Оксенов, 70 лет, из д. Лебское былину о женитьбе Алеши на жене Добрыни. Былина, переданная им, представляет собой обычный и очень распространенный на Мезени рассказ об отъезде Добрыни во чисто поле, о наказе его жене, о долгом его отсутствии и сватовстве Алеши, о свадебном пире и приходе туда Добрыни. В былине подчеркиваются ложное известие о смерти Добрыни, привезенное Алейшей, роль князя в сватовстве, вмешательство Ильи Муромца, когда Добрыня хотел расправиться с Алейшей. В текст включен образ говорящего коня Добрыни, предупреждающего хозяина о грозящей ему беде. Сохранен поэтический образ быстро текущего времени: «День за днем, как дождь дождит, неделя за неделей, как трава растет, год за годом, как река бежит...» Это описание характерно для мезенских былин о Добрыне, оно есть в записях 1958 г. и в публикациях А. Д. Григорьева.

Остальные записи — прозаические пересказы, без сохранения какого-либо ритма. Только иногда в них вкраплены ритмические куски. В большинстве случаев это рассказы об Илье Муромце (исцеление, первая поездка, Илья и Идолище, Илья и Калицарь, Илья и Сокольник) и о Василии Буслаеве. Один пересказ сюжета об Илье и Идолище был записан от М. Н. Листова, 80 лет, из дер. Колмогора, остальные — от Д. М. Антонова, 56 лет, из дер. Усть-Низема, сына сказителя Максима Антонова, от которого записывала былины А. М. Астахова в 1928 г. Семья Антоновых — единственная, сохранившая не только воспоминания об отце — сказителе, но и пересказы его былин. Сюжеты переданы довольно исправно.

Аналогично положение с духовными стихами. Их записано всего четыре (не считая стих про Онику-воина): о Михайле-архангеле, о Христовом вознесении (два раза), о жадности людской. Любопытно, что наиболее популярный на средней Мезени стих о

² Подобный вариант записан в 1928 г. А. М. Астаховой, см.: «Былины Севера», т. I, Л., 1938, стр. 227.

Христовом вознесении имеет довольно острый социальный смысл. Нищая братия не получает от Христа ни золота, ни одежды, потому что все это могут отнять богатые и сильные. Духовные стихи, по свидетельству исполнителей, чаще всего пели нищие. Сейчас они совсем не бытуют, и только кое-кто их может вспомнить.

Бытуют на Мезени сказки. Специального обследования сказочного репертуара не проводилось, но некоторые наблюдения были сделаны. Сказки о животных рассказывают детям, но к этим сказкам не относятся серьезно, называют их «повертущками». Взрослые слушают сказки волшебные, бытовые, очень любят охотничьи рассказы. В дер. Усть-Низема нам встретился интересный сказочник В. М. Бобрецов, 78 лет.

Обрядовый фольклор на средней Мезени небогат. Сейчас обрядов почти нет, не помнят и специально обрядовых песен. Некоторые пожилые женщины вспоминают, что на заговенье (масляница) катались с горы, которую для этого поливали, пели песни, в частности «Что на горке, на пригорке». Эту же песню любили петь весной, когда ломается лед на реке. Весной девушки водили круги («хороводы»), в праздники ходили по деревне парами (по местному выражению «в застенки») и пели. Многие песни, бытующие и сейчас, называют застеночными³.

Почти совсем забыты виноградья и вечериночные припевки. Виноградья еще вспоминают старые женщины, чаще всего это «У Егорья в соборе у храброго», «Что во далече, далече во чистом поле». Удалось записать и девять припевков, которыми раньше на вечерках припевали женихов. Наиболее популярна припевка «Со вечера Васильевского», ее помнят многие. Хороший полный текст припевки «Все девки беленьки, все хорошеньки» записан с напевом. Варианты этой припевки есть у Соболевского, Шейна. Интересно, что припевка «Тетера на стол прилетела» одной исполнительницей была спета как вечериночная, а другой — отнесена в разряд детских. Очевидно, уже на памяти этих исполнителей обрядовая песня стала переходить в детский фольклор.

Не сохранился в живом бытовании на средней Мезени и свадебный обряд. Теперь на овадьбу сзывают гостей, поют самые разнообразные песни, иногда и свадебные. Но свадебных песен здесь помнят очень мало. В Родоме, в Вожгоре, в Лебском из свадебных песен называли только две: «Бежала карета» и «Хитёр да мудёр». В Кысе к ним прибавили песню свату «Поливайте-ко, девушки». Чем ниже по течению Мезени, тем больше знали свадебных песен. Уже в Белошелье, а потом в Селище и Пылеме были записаны «Во горнице стол стоит», «В колоколы-ти ударили». «Уж вы соколы, соколы», «Что во марте было месяце», «Отставала лебедушка». Последнюю песню в Родоме и Вожгоре не знают совсем. Знатоки старинного свадебного обряда в верхней части средней Мезени утверждали, что в свадьбу, до того как увести невесту из дому, специальных свадебных песен не пели. Когда к невесте собирались подруги на последнее игрище, пели различные игровые и плясовые песни. Перед тем как вести невесту к венцу, пели обычные лирические песни о разлуке, среди них называли: «Ты прости, прощай, моя милая», «Ведут к венцу». Преимущественное место в свадебном обряде занимали плачи, которые здесь поют хором: невеста заводит, запекает, а подружки подхватывают. Последнее слово каждого стиха не допевают, поют только один-два первых слога. И свадебные песни, и причитания в живом бытовании не встречаются, они только хранятся в памяти. Сейчас на Мезени несколько оживился интерес к старинному свадебному обряду. Это проявляется в том, что на клубных сценах организируются постановки старинной свадьбы. Чаще всего это делается по инициативе пожилых женщин, знающих обряд. Они собирают группу женщин, распределяют роли, подбирают костюмы, репетируют. Ход постановки обусловлен тем, как помнят обряд главные участники. Никаких литературных текстов для таких постановок обычно не пишут. Подобные постановки собирают много зрителей, пользуются большим успехом, их обсуждают, о них долго вспоминают. Часть такой постановки свадебного обряда в деревне Лебское участникам экспедиции удалось снять на киноленту. С свадебными обычаями связан и своеобразный обычай на заговенье «ловить молодок». Женщины наряжаются в мужское платье и идут ловить молодых женщин, в этом году вышедших замуж. Муж должен выкупать пойманную. Этот обычай сохранился кое-где еще и сейчас как увеселение в зимние праздники.

Старинные лирические песни живут полной жизнью, и говорить об их отмирании рано. В мезенском репертуаре много романсов XIX в. и современных песен советских композиторов, но старинная песня занимает в нем очень большое место и держится крепко. Отдельные песни забываются, другие становятся редкими, третьи вдруг приобретают популярность в какой-то период, а потом забываются опять. Есть села лесенные, есть такие, где петь не любят. Так, в Лебском и Кысе любят петь; лебчанки и кысанки славятся как хорошие певуны, а о вожгорках говорят, что они «от веку не певали». У каждого исполнителя, каждой группы певцов и в каждой деревне есть свои излюбленные песни. В Кысе это «Вдоль было по травоньке», «Посеяли девки лен», а в Лебском — «Вдоль по морю лебедушка плывет». Любимой песней женщин.

³ О «застенках» — особом «церемониальном» танце на Мезени писал по наблюдениям 1927 г. В. Н. Всеволодский-Гернгросс в работе «Крестьянский танец» (см. кн.: «Искусство Севера» II, Academia, Л., 1928, стр. 241—242).

которые работали по найму батрачками, была «Нам не для чего в чужи люди торопиться». Редкими песнями являются: «Уж мы сойдемся, ребятушки, во единый круг», «Не ясен сокол по горам летал», «Между речками, между быстрыми, есть хорош город испостроился».

Многие старинные песни вспомнились и стали часто исполняться во время Великой Отечественной войны, особенно такие, которые рассказывают о разлуке, об убитом солдате. Так, широко бытовала песня «Отъезжает милый, оставляет». Старинная песня «Ты раздуй, развей, погодушка» была довольно распространена во время войны. Особенно трогали слушателей и исполнителей заключительные слова песни:

Как у всех венки
По верху плывут,
Только мой потонул;
Как у всех мужевья
Домой пришли,
Только мой не пришел.

Песню о раненом воине «Уж ты поле мое, поле чистое» во время войны пел кысский хор, в Койнасе слушатели заставили несколько раз повторить ее. Очень популярной во время войны стала на Мезени песня «Ты не вейся, черный ворон». Бытовали и новые песни. В Ценогоре женщины спели «Вот вспыхнуло утро» и на вопрос, бытовала ли песня во время Великой Отечественной войны, одна из них сказала: «Это с той войны, а в эту новые песни, нонешние». Какие это песни, нам так и не удалось выяснить; записаны только переделки авторских песен, не всегда хорошего качества.

Песни на Мезени поют дома, за работой, в пути. Без песни не проходит ни один праздник. С песнями идут в гости, с песнями возвращаются; если среди гостей нет человека, знающего песни и умеющего петь, то такого специально приглашают. Старинные «протяжные» и «частые» песни поют преимущественно женщины среднего возраста. Молодежь, когда веселится в своем кругу, поет песни советских композиторов, частушки; старинные песни обычно не поют, но знают их. Приходилось беседовать с очень молодыми девушками, которые знают старинные песни и иногда поют их дома в компании со старшими. Репертуар их не обширен, петь одни они стесняются, так как считают, что плохо, хуже пожилых женщин знают эти песни.

Всего экспедицией записано более двухсот протяжных песен, около ста игровых, плясовых и других «частых» песен и около тридцати романсов. Среди протяжных песен интересны варианты баллады «Соловей кукушку подговаривал» («У колодечка у глубокого»), а также песни «За рекою за Великою». На нижней Мезени популярна была историческая песня о Платове («Наступает Новый Год»), встречавшаяся во многих контаминациях; на средней Мезени она встречается реже. Как и на нижней Мезени, на средней любят песню «Снежки белые пушистые», «Эко сердце», «Красно-то солнышко из-за лесу светит». Помнят еще рекрутские песни, например «По дорожке по широкою», «За Невагою» — о тяжелой солдатской службе. Песня «Вниз по Волгреке с Нижня Новгорода» здесь поется с другим зачином: «Из-за Питера славна города».

Старинные игровые, плясовые и шуточные песни еще прочно держатся в репертуаре на средней Мезени. Правда, теперь уже не водят круги, да и пляшут под гармонь, а не под песни. Но игровые и плясовые песни помнят и исполняют как для себя, так и в компании. Многие знают игровые песни «Загорел лужок», «Красна девица капустоньку полола», «Да не по полу жемчуг катался», «Вдоль было по травоньке», «Вдоль по морю». Чаше, чем игровые, исполняются плясовые песни. Их поют, когда весело, когда собираются гости и т. п., иногда под песню пляшут. Ни один праздник не обойдется без того, чтобы не спели «Во пиру-то была», «Ночка темная». Очень любят петь «Как у всех мужевья молодые», «Уж ты улка, ты улка моя», «Прялица-кокорница моя». Популярны на Мезени шуточные песни, хотя исполнять их соглашаются не сразу, так как не считают их достойными записи. Здесь знают общерусские, всюду распространенные песни-шутки «Баба сеяла муку», «Теща про зятя пирог пекла», «Что там за шум сочинился», «Уж ты зять, ты мой зятелко». Есть и чисто местные шуточные песни, например «Шел Ванюша по угору», в которой дается шуточная характеристика всех деревьев на средней Мезени и ее притоках, иногда не лишенная социального смысла:

Пальцы режут, зубы рвут,
Во солдаты жить нейдут —
Жительяне.

По-видимому, местного происхождения и некоторые из бытующих здесь частушек шуточного содержания. Поют частушки под гармонь, реже под балалайку, в клубах и

на молодежных вечеринках. Тематика частушек очень разнообразна: о Родине, о колхозной жизни, о любви. До сих пор бытуют частушки, связанные с Великой Отечественной войной. Больше всего поют лирические частушки, притом не только молодежь, но и женщины пожилого возраста и дети.

Экспедицией были записаны также байки; их можно слышать главным образом от пожилых женщин и девочек-подростков, которым приходится нянчить детей. Байки обычно представляют собою коротенькие песенки о животных, детях, но есть среди них и такие, которые отражают тяжелую жизнь крестьянина в прошлом, имеют социальную окраску:

Уж ты вырастешь большой,
Находишься босой,
Насидишься голодной.

Довольно живо бытуют еще на Мезени загадки. В большинстве случаев их знают дети, но часть загадок была записана от пожилых женщин. Источник детских загадок — книга и знания старшего поколения. Среди записанных загадок большая часть — чисто народные в старинных вариантах.

Основной репертуар детей на Мезени составляют частушки (дети знают очень много частушек, которые поют взрослые), считалки, песни и разнообразные игры. Есть и местные разновидности распространенных повсеместно игр. В деревне Ценогора девочки 7—13 лет водят хоровод под песню «Я по лугу гуляла», в игру «Ручеек» играют под песню «За рекою у колодца». Некоторые девочки исполняют старинные песни, в том числе игровые («А мы просо сеяли»). От А. Парфеновой, 13 лет, были записаны также песни о военных событиях разного времени: «От павших твердынь Порт-Артура», «На северном Пинежском фронте» (переделка времен гражданской войны). Поют дети и о подвиге Зои Космодемьянской («Тишина, ни огонька, ни звука»).

Участники экспедиции знакомились также с рукописными альбомами, в которые обычно записывают песни. Содержание их чаще всего составляют песни советских композиторов, в особенности песни из кинофильмов. Преобладают песни лирические: песни Великой Отечественной войны, частушки. Кроме того, в альбомах встречаются довольно часто такие старые песни, как «Ермак», «Из-за острова на стрежень», «Кобейники». Часто альбомы передаются от старших к младшим, и таким образом в альбомах двадцатилетних девушек оказываются песни, записанные 15—20 лет назад.

Результаты экспедиции еще раз убедительно показали, насколько существенно для изучения истории фольклора повторное обследование тех мест, в которых проведены были записи ранее, а также ближайших к этим местам поселений. Экспедиция собрала материал для суждений о современном состоянии народного творчества, особенно песенного творчества на средней Мезени. Объединенный с материалом экспедиции 1958 г., он дает возможность судить о народном творчестве довольно большого района Севера.

В. В. Митрофанова, С. Н. Азбелева